

УДК 316.7:316.454

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773

Шифр специальности ВАК: 5.10.1

Укрепление национальной идентичности как значимый фактор благополучия российского общества

М.Н. Кокаревич✉*Томский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, г. Томск*✉kokarevich@mail.ru

Аннотация. **Актуальность:** усиливающиеся процессы глокализации в современном мире приводят к акцентированию на неповторимости каждого национально-государственного сообщества, что актуализирует обращение к способам укрепления культурной самоидентичности. **Методы:** историко-культурный и историко-философский подходы, методология интерпретации и реконструкции культурных явлений как актуализаций ментального ядра этой культуры. **Цель:** выявить основные механизмы кристаллизации российской идентичности. **Результаты:** показано, что главным механизмом укрепления национальной идентичности является релевантность действий в системе «вызов–ответ» в пространстве межкультурного и межгосударственного взаимодействия, которое базируется на запрете иронизирования над фундаментальными духовно-нравственными и государственными ценностями, на осмыслении роли ментальных доминант понимания, абсолютизма, соборности, доброты как факторов, детерминирующих становление русской и впоследствии российской культуры, на осознании их относительной изменчивости в процессе цивилизационного развития, их функционирования в качестве фильтров, задающих степень восприятия и трансформации культурно-цивилизационных феноменов в пространстве взаимодействия государств-культур. Другим механизмом укрепления национального достоинства становится отчетливое осознание величия многовековой истории России, роли православия как основы национальной самоидентичности, государственности, которая утверждается в соответствии с логикой: одна вера – единый народ – одна земля – единое государство.

Ключевые слова: культура, цивилизация, национальная идентичность, ментальные доминанты понимания, абсолютизма, соборности

Для цитирования: Кокаревич М.Н. Укрепление национальной идентичности как значимый фактор благополучия Российского общества // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 13–22. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773

UDC 316.7:316.454

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773

Strengthening of national identity as a significant factor in the well-being of Russian society

M.N. Kokarevich✉*Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation*✉kokarevich@mail.ru

Abstract. Relevance. The increasing processes of globalization in the modern world lead to the emphasis on the uniqueness of each national-state community that actualizes the appeal to the ways of strengthening self-identity. **Methods.** Historical-cultural and historical-philosophical approaches, methodology of interpretation and reconstruction of cultural phenomena as actualizations of mental core of this culture. **Aim.** To identify the main mechanisms of the crystallization of Russian identity. **Results.** The article shows that the main mechanism for strengthening national identity is the relevance of actions in the "challenge-response" system in the space of intercultural and interstate interaction. The latter is based on the prohibition of irony over fundamental spiritual, moral and state values, on comprehension the role of the mental dominants of understanding, absolutism, conciliarity, kindness as system-forming Russian and, subsequently, sovereign Russian culture, on the awareness of their relative variability in civilizational change, their functioning as filters that set the degree of perception and transformation of cultural-civilizational phenomena in the space of interaction between the states-cultures. Another mechanism for strengthening national dignity is a clear realization of the greatness of our centuries-old history, the role of Orthodoxy as the basis of national self-identity and statehood, implemented in accordance with the following logic: one faith – one people – one land – one state.

Keywords: culture, civilization, national identity, mental dominants of understanding, absolutism, conciliarity

For citation: Kokarevich M.N. Strengthening of national identity as a significant factor in the well-being of Russian society. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 13–22. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773

Введение

Благополучие в современном мире предполагает формирование принципа толерантности в межкультурных взаимодействиях. Глобализация, которая была долгое время актором всех общественных процессов, заменяется глокализацией, синтезирующей идею унификации в пространстве цивилизации и принцип доминирования локальной национальной идентичности в пространстве культуры. Вместе с тем глобализационные процессы имеют интенцию к подавлению национального самосознания, вестернизации всех сфер общественного развития. Последнее вызывает противодействие со стороны государств-культур, национальных сообществ, утвердившихся и утверждающихся веками и даже тысячелетиями.

Тем самым современное социальное пространство представляет собой сосуществование, соперничество многообразных социокультурных сообществ. Признание факта существования государства как государства-культуры, процессы глокализации формируют акцент на утверждение локальной культурной неповторимости каждой социогосударственной общности. В данной ситуации актуализируется проблема формирования и укрепления национальной самоидентичности, собственного культурно-государственного достоинства. Основными механизмами подобных процессов становятся утверждение адекватных ответов на унижающие национальное достоинство вызовов и усиление интереса к генезису, многовековому развитию своей культуры и государственности. Последнее становится условием самовозвышения, самоуважения, условием кристаллизации собственной значимости. Укрепление национальной самоидентичности становится фактором, как одновременно усиливающим самоуважение, собственное национальное достоинство, так и условием восприятия в качестве такового со стороны других культурно-исторических образований.

Методология исследования

Методологическим базисом настоящего исследования является культур-философский подход. Его основные принципы следующие: культура представляет собой сосуществование отдельных культурно-исторических типов; каждый культурно-исторический тип есть целостность всех культурных форм, которая задается их реконструкцией как воплощением системы ментальных доминант, инвариантного ядра каждой культуры; религия – та форма

культуры, в рамках которой аккумулируется вся полнота культурных ценностей [1–9]; значимая роль культурного контекста задает реальность – государство-культуру [10]; культура представляет собой воплощение человеческих потребностей, существующих как цивилизационные потребности (в организации хозяйственной жизни, в безопасности, социальной организации и т. п.) и собственно культурные (в красоте, вере, общении, осмыслении своих отношений с миром, познании), что задает структуру культуры как единство цивилизации, основанной на системе посюсторонних ценностей (благо, социальные институты, условия и средства выживания и т. п.) и культуры, нацеленной на служение трансцендентальным ценностям или идеалам (Бог, Красота, Истина и т. п.) [11].

Результаты исследования

Реализация механизмов укрепления национальной самоидентичности обусловлена повышением уровня детерминации культурным контекстом экономической, политической, всех видов социальной деятельности. Существенными принципами самоутверждения национального достоинства, формирования высокой самооценки каждой культурно-исторической общностью становятся укрепление культурно-исторического самосознания путем жестких и адекватных ответов на вызовы, являющиеся актом пренебрежения, неуважения к той или иной культуре. Примером подобного ответа является запрет на деятельность Дольче и Габбана в Китае из-за того, что в рекламе, созданной для продвижения товаров этой фирмы, товарного знака оказались сцены ироничного отношения к китайским традиционным ценностям, традициям. Смысл рекламного ролика, изображающего красавицу-китайку в попытке приспособить палочки к поеданию огромного бифштекса, состоял в том, что и палочки, и все другое должно быть отброшено ради европейских товаров, европейского прогресса. Такое явное пренебрежение к традиционной культуре и вызвало адекватный ответ – полный запрет на продвижение своей продукции известным дизайнерам. Аналогично был выигран судебный иск к Дому Диор из-за того, что, по мнению китайской стороны, девушка, рекламирующая дамскую сумочку от Диор, не соответствовала национальному идеалу женской красоты.

Интерпретация иронии как пренебрежения свойственна далеко не всем культурам, однако в Китае ей нет места, она тождественна, скорее, издевательствам. Известен факт, насколько были возмущены китайские товарищи, когда им пытались объяснить, что строка «Мой дядя самых честных правил ...» вносит ироническую интонацию в портрет дядюшки главного героя. Их реакция была такова – нам не нужна поэма, в которой издеваются над пожилым человеком. Впоследствии инцидент был исчерпан, но перевод был таков: «Мой дядя – твердолюбий и заскорузлый».

Категория иронического имманентно присуща российскому эстетическому дискурсу. Однако стоит последовать примеру китайской культуры на табу смеяться над государственными институтами, традициями. Представляется, что произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.В. Гоголя и многих русских замечательных писателей, в которых так едко высмеивали, в частности, власть, способствовали ее свержению, поскольку она становилась такой смешной и нелепой, что уважать и испытывать к ней пиетет становилось абсурдным. Этот прием задевали еще софисты. Действительно, смех сводит то, над чем смеются, и того, над которым смеются с пьедестала уважения. Софисты первыми это ясно осознали, и потому многие знаменитые софизмы («Рогатый» и т. п.) использовались, чтобы поставить, например, оратора в нелепое положение смешного человечка, а потому речь его уже не воспринималась как значимая, весомая. Аналогично сатирические образы государственных чиновников превращали «государственных мужей» в «неприглядных личностей».

Тем самым сосуществование и взаимодействие различных государств-культур реализуется в поле «вызов–ответ». Практика межгосударственной, политической коммуникации веками складывается таким образом, что на каждый вызов государство получает адекватный, симмет-

ричный ответ. С утверждением весомой роли культурного контекста в деятельности каждого государства принцип симметричности и адекватности должен распространяться на все виды социальных взаимоотношений. Необходимым условием релевантности ответа является принцип самоутверждения собственного национального достоинства, которое укрепляется и за счет табу как минимум на иронизирование по поводу государственных институтов.

Онтологическим основанием взаимодействия государств-культур по типу «вызов–ответ» является ментальное ядро культуры, система ее ментальных доминант. Русская культура как понимающая культура зачастую не дает адекватного по силе и жесткости ответа. Возможно, наступает время таких ответов. Акцент на понимании, несомненно, нивелирует силу ответной реакции, превращая девятый вал негодования в мягкую волну порицания. От российского государства привычно ожидают жестов доброй воли, но в настоящее время они могут быть только ответными как в политической, так и экономической сферах. Вместе с тем доминанта понимания, которая воплощается, в частности, в правиле не входить со своим уставом в чужой монастырь, как ментальная черта русской культуры должна быть осознана, должны быть очерчены ее границы, поняты ситуации, когда она воспринимается другими культурами как проявление слабости. Понимание всегда должно сопровождаться принципом недопустимости унижения национального достоинства.

Действительно, ментальное ядро культуры задает границы и глубину восприятий отдельных феноменов, предложений, их трансформацию. Особенно отчетливо данный принцип прослеживается в современном пространстве сосуществования государств-культур. Так возникает исламский банкинг, сочетающий банковскую деятельность, без которой немислимо развитие экономики, с исламским запретом на ростовщичество, вклады под проценты, финансирование производства алкоголя и т. п. Доминанта понимания расширяет границы допустимости иных культурных форм, правил. В сочетании с другой ментальной доминантой русской культуры – абсолютизмом – это приводит не просто к естественному восприятию на фоне критического анализа, но к возвышению, восхищению, привносимым из другой культуры. Абсолютным становится восхищение западноевропейской культурой.

Примером является мода на все привнесенное из Европы после победоносного похода русской армии на Париж. Русским дворянам гордиться бы собой, своей славой, а вместо этого все затемняет жажда понимания и принятия. Окончательно входит в русский дворянский быт елка как атрибут рождественских праздников. При этом первые елки вывозили из Германии и украшали с русским абсолютизмом, размахом – золотом, драгоценными камнями. Отметим, что каждой эпохе свойственно свое прочтение доминант понимания и абсолютизма. Восхищение западноевропейской культурой особенно усилилось во времена Петра I. Он первым пытается привнести в русскую культуру обычай ставить елку на рождество, но сильный славянский контекст с его отождествлением ели и смерти ставит четкие границы восприятию и трансформации данного феномена в атрибут кабаков. Европеизации в эту эпоху подвергаются практически все области культуры. Утверждается дендизм в моде, в образе жизни дворянского сообщества, что воплощается в необходимости созидания комфортного и удобного жилья, в требовании европейского изящества в одежде, сочинения эпиграмм, критики правительства, православия, крепостничества и т. п.

Яркий пример абсолютистского прочтения западных ценностей, культуры в целом – западничество П.Я. Чаадаева. Он обвиняет православие в утверждении раболепия, унижает русскую культуру, российскую государственность, говоря, что образование отечественное – самое странное и жалкое в мире и нет у России собственного пути развития, что русские как нация не способны к глубокомыслию, к постоянству, в русской крови есть что-то враждебное и отталкивающее жажду к совершенствованию, что русский мир существует лишь для того, чтобы преподать самый пугающий урок всему миру, а в семье цивилизованных, европейских народов «Россия – особое явление, в ее прошлом – рабство и варварство, раболепное

подражание другим народам, их идеям, культуре», а также нет у русских своего стержня, а только способность к заимствованию, да и то в худшей форме [12].

В последующем традиция абсолютного отвержения, критицизма сохраняется и в XX в. Н.А. Бердяев, один из авторов национальной идеи, называет российское государство бессмысленным и бессловесным царством, а интеллигенцию – «монашеским орденом со своей особой нетерпимой моралью». Поэтому русской интеллигенции, по Н.А. Бердяеву, присущ и фанатизм, и идолопоклонничество, и максимализм, то есть все разновидности абсолютного прочтения веры, отношения к государственной власти и многому другому [13].

Такой же абсолютно негодующей, гневной, понимающей и отрицающей была реакция славянофилов на западнические сентенции П.Я. Чаадаева. Славянофильство отстаивает самобытность русской культуры, ее пути развития. Православие провозглашается религией безмерной любви и свободы, высочайшей доброты, по сравнению с которой западноевропейское прочтение добра – это средний стандарт. Политические институты Западной Европы позиционируются как нечто чужеродное российскому обществу. Главное, что Запад эксплицируется как ложная и безнравственная цивилизация, в которой моральность заменена подчинением праву и государству.

Ментальная доминанта понимания в контексте абсолютизма, таким образом, приводит к беспредельно пиететному отношению, в частности к западным культурным формам и идеям. Отметим, что абсолютизм является фоном восприятия и прочтения практически всей окружающей культурно-исторической реальности русской культурой. Так, понимание доброты существует как необходимость раствориться в милосердии даже к врагам по примеру Бориса и Глеба, называвших своих убийц милыми и любимыми братьями и не противившихся им. Другой образец абсолютно понимания добра как нищелюбия дают герои В.О. Ключевского («Добрые люди Древней Руси»). Так, Ульяна Устиновна Осорьина обшивала сирот, постоянно раздавала нищим милостыню, во времена трехлетнего голода при царе Борисе продала все, что было из имущества, чтобы кормить всех обращающихся за помощью и сама дошла до такой бедности, что ей и в церковь стало не в чем выйти [14].

Абсолютное понимание добра приводит к утверждению категории святых – страсто-терпцы. Жалеть так, что сразу причислить к лику святых многих невинно умерших и убитых. Эти и многие другие примеры задают высокие образцы духовно-нравственного поведения, деятельности, которые вызывают глубочайшее уважение. Однако, например, Ф.М. Достоевский восхищается поступком мужиков, которые переводят по собирающемуся треснуть весеннему льду барыню к заболевшей дочке. Жаль заболевшую девочку, жаль мать до такой степени, что они рискуют своей жизнью, а у каждого свои дети, но абсолютная отзывчивость заставляет жертвовать собой, а ведь заболевший ребенок окружен заботой, не одинок, не умирает.

Абсолютизм как ментальная доминанта приводит и к утверждению аскетизма, как полного пренебрежения к земному, материальному благополучию, комфорту. Отсюда, с одной стороны, истинно русское прочтение архитектоники церковных крыш, а именно характерная для православного храма золотая луковица, венчаемая крестом, обозначающая пламя свечи и призывающая сгореть как свечка во имя любви к Богу, отвергнув все земное. С другой стороны, аскетизм определяет специфику экономики, материальной жизни. Он приводит и к распространению юродства (юродивый надевает на себя личину сумасшедшего, чтобы своим видом и поступками показывать низменность забот о материальных благах), а главное – к пренебрежению изобретением и производством бытовой техники, служащей ценностям комфорта и благополучия и т. п.

Доминанта абсолютизма задает понимание жизни как следование идеалу, а потому заботы и цели реальной повседневной жизни, не совпадающие со служением идеалам, понимаются как мелкие, низменные. При этом абсолютизм возводит нравственные ценности на вер-

шину идеального. Однако такая высота нравственных идеалов оказывается настолько недосягаемой, что зачастую приводит к отказу совершенствования. Можно согласиться с Ф.М. Достоевским, который утверждал, что «нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок ... Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а потому чем бы он желал стать. А идеалы его сильны и святы...» [15, с. 144]. Еще одним воплощением абсолютизма является поляризованность настроений и действий, предпочтение крайностей, отказ от золотой середины, широта русской души, которую, по мнению Ф.М. Достоевского, следовало бы сузить. Продолжая эту мысль, можно сказать, что следовало бы в рамках цивилизационной деятельности ориентироваться на земные ценности: благополучие, успех и т. п.

Понимая, что методология социогуманитарного познания – реконструкция и интерпретация культурно-исторической реальности, автор отдает себе отчет в некоторой схематизации и субъективности акцентирования на определенных аспектах русской культуры. В вышеприведенном культур-теоретическом анализе отмечена амбивалентность ментальных детерминант русской культуры, выделены положения, которые в соответствии с современными реалиями необходимости развития экономики, социальной сферы должны быть нивелированы, адаптированы к современности. При этом реалии исторического развития способствуют увеличению степени релевантности ментальных детерминант. Например, абсолютное, отрицающее, горячее западничество П.Я. Чаадаева совсем не похоже на современную его форму – либерализм. Возможно, следует прислушаться к сентенции о необходимости включаться в культурно-историческую реальность заметно, с силой: «Жить – это значит постоянно отбрасывать от себя то, что хочет умереть; жить – это значит: быть жестоким и беспощадным ко всему, что становится слабым и старым в нас, и не только в нас» [16, с. 81]. Здесь речь идет о человеке, укреплении его экзистенции. Однако и культура, и человек аналогичны в том аспекте, что у каждой из этих сущностей есть душа, экзистенциальное ядро, система своих онтологических мировоззренческих принципов. Данный призыв отвечает современным реалиям мировой политики и практики сосуществования государств-культур в контексте усиления взаимодействия при сохранении национальной самоидентичности, национального достоинства. Он также предполагает поворот к более критичному отношению к доминантам понимания и абсолютизма.

Таким образом, основным механизмом укрепления русской идентичности становится формирование адекватных ответов на унижающие культурное достоинство вызовы. Последнее может быть реализовано путем поворота к запрету над иронизированием по поводу государственных институтов, отчетливого осознания роли ментального ядра культуры, с присутствующими ему доминантами понимания и абсолютизма, в качестве фильтра, задающего как границы и глубину восприятия тех или иных феноменов других культур, так и степень понимания и принятия иных культурных форм в процессе взаимодействия государств-культур.

Другой механизм – формирование интереса и глубокого понимания культурно-исторических особенностей генезиса и развития российской культуры и государственности, такого понимания, чтобы каждый мог повторить пушкинское: «Два чувства дивно близки нам – В них обретает сердце пищу – любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам. На них основано от века, по воле Бога Самого самостоянье человека, залог величия его. Животворящая святыня! Без них душа была б пуста. Без них наш тесный мир – пустыня, душа – алтарь без божества».

Представляется, что глубокое проникновение в душу русской культуры означает понимание ее ментального ядра и, прежде всего, доминанты православной соборности, организующей целостность уже российской культуры, российского государства-культуры. Эту ментальную доминанту вычленил и определил А.С. Хомяков. Для него и всех последующих представителей русской идеи соборность – это единство людей, которое основано на любви

к Богу, к Христу, к Божьей Правде. При этом данная детерминанта исходит из понимания того, что верующих объединяет искренняя, свободная любовь к Иисусу, а значит, и церковь как объединение множества верующих представляет собой не простое единство людей, а единение свободных в своей любви к Богу личностей. Именно православное христианство реализует идею соборности [17]. Отсюда сложившиеся в русской религиозной философии представление о том, что католическая церковь – единство без свободы, а протестантизм – свобода без единства.

Оба образа единства – католическое и православное – сравнил Ф.И. Тютчев:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью ...
Но мы попробуем спаять его любовью –
А там увидим, что прочней ...»

Соборность означает, только православная церковь, представляющая собой единство верующих и их пастырей, может быть носителем Правды, Совести, Божественной истины. Такой прерогативой не может обладать ни Вселенский собор, ни патриарх. Ярким воплощением соборности становится крестьянская община, которая принимает все решения сообща, всем миром и руководствуется принципами совести и справедливости. Поэтому данная ментальная доминанта считается единственным принципом всех форм социальной и политической жизни и исходит из понимания человеческой природы как двойственной: духовной и физической. Отсюда вытекает понимание двухуровневого человеческого бытия – собственно соборного и общественного. Данные уровни составляют единство духовного, содержание которого обусловлено служением данному идеалу, и общественного, которое, являясь воплощением духовного, задает живое общество.

Именно соборность, по мнению Д.И. Ильина, задает основания выстраивания и существования многонационального российского государства. Согласно его доводам, категория «русские» изначально предполагает идею объединения многочисленных народов в единое государство, возможность и прочность которого исходит из православной соборности с присутствующим ей принципами понимания, веротерпимости. Следовательно «русские» – единственное название нации, существующее в форме прилагательного и обозначающее отношение к народам Руси, России [18]. Тем самым православие становится стержнем объединения многих народов, населяющих российское государство.

Отметим, что эта ментальная доминанта имманентна и славянской культуре, являющейся одним из источников российской духовности. Родством славянской и православной ментальности можно объяснить и выбор православной модификации христианства славянами-русичами. В частности, идея соборности прослеживается в славянских «братчинах». А.В. Карташов замечает, что князь Владимир всей душой хотел, чтобы все принявшие святое крещение чувствовали свое единство, что у них «одно сердце и одна душа». Его пиры были действием единения, в котором каждый мог участвовать. Для тех, кто не мог прийти за угощением, снаряжали телеги с едой, которые под возглас «Где больные, где нищие, не могущие ходить» объезжали город. Неудивительно, что православие определяется как историческая форма соборности.

Славянофилы возвышают данную идею в качестве основной православной ценности, означающей объединение всех на основе любви к Божьей Правде и Справедливости. Представляется, что соборностью можно объяснить факт существования многонационального государства в форме Руси, Российской империи, СССР, современной России. Как было отмечено, в самом понятии «русские» заключена идея собирания народов в единое государство-культуру, ставшее возможным в силу религиозно воспринятых принципов соборности и понимания, обеспечивающих толерантные отношения в пространстве российской культуры и цивилизации.

Тем самым механизм укрепления российской национальной идентичности предполагает отчетливое осознание собственной культуры как православной по своей сущности, поскольку все составляющие русской идеи, культурного ментального ядра – соборность, абсолютизм, аскетизм, доброта – имманентны православию. Православие, задающее духовно-нравственные ориентиры, становится лоном, вбирающим многие этносы и преобразующим их в русских, а также основой для собирания княжеств, земель в единое государство-культуру. Более того, принятие православия было обусловлено самоочевидностью «того редкостного и огромного факта», что принимаемая славянами-русичами новая вера имеет привлекательное национальное языковое обличье, по определению А.В. Карташова [19].

Впоследствии защита православной веры как бытийного основания российского культурного кода всегда была и остается значимой государственной целью. Так было в период правления Александра Невского, противостоящего рыцарям с их миссией крестового похода. Отстаивание православной государственности всегда вплеталась в политику русских князей, царей. Несомненно, этому способствовало и наделение охранной грамотой Батыем церкви в лице митрополита Кирилла. Эта грамота впоследствии пролонгировалась. Поэтому церковь и строила русский мир. Известны многие эпизоды отстаивания православной бытийной основы русского государства-культуры. В частности, как возможность потерять отечество было воспринято русскими князем Василием Васильевичем подписание митрополитом Исидором Флорентийской унии. После этого события Исидор был заключен в монастырь и впоследствии изгнан, а русское духовенство стало выдвигать митрополитов из своей среды, а не из греческой иерархии, запятнавшей себя вероотступничеством.

Русский мир как культурно-этническая общность также утверждался в контексте православия. Это происходило и в процессе монастырской колонизации, когда монастыри становились пунктами притяжения и заселения земель, формируя культурно-этническую общность путем трансляции православных ценностей. Здесь огромную роль играли такие личности, как Сергей Радонежский, который, по высказыванию В.О. Ключевского, своими мыслями и делами создавал православное единство. Реконструируя Куликовскую битву и ее причины, историки соглашались с тем, что люди шли в бой защищать православную веру от Мамаю, который хотел истребить христиан. Евразийцы подчеркивают, что через Мамаю католики-генуэзцы хотели хозяйничать на русских землях, и Сергей Радонежский, благословляя князя Дмитрия на битву, призывал не дать доступ католикам на Русь. Эта битва стала определяющим событием в формировании православной культурно-этнической общности. Действительно, как отмечает В.О. Ключевский, если на битву шли москвичи, владимирцы, суздальцы, то вернулись русские люди уже в Москву, Владимир, Суздаль как города одной земли.

Впоследствии перенос митрополичьей кафедры Иваном Калитой в Москву сделал ее центром православия, а поскольку в глазах людей церковь всегда была защитницей Руси в Орде, то и на Московское княжество эта функция была перенесена. Поэтому именно Москва и начала прирастать землями. Например, тверичане открыли ворота московскому князю и т. п. Таким образом, православие было и является основанием для формирования русского и российского культурно-этнического и государственного единства.

Вывод

Таким образом, многовековое развитие российской социокультурной общности – это прежде всего укрепление православия с присущей ему доминантой соборности в качестве бытийного основания национальной самоидентичности. Последнее становится базисом единения народов России и фундаментом построения собственной государственности, реализуемой в соответствии с логикой: одна вера – одна супернация – одна земля – единое государство. Поэтому осознание данного обстоятельства должно стать основанием для формирования национального достоинства как следствия понимания собственной неповторимости, ве-

личия многовековой истории, а потому и значимости своей государственности и культуры, и восприятия в качестве таковой другими государствами-культурами. Понимание православия как онтологической сущности русской культуры и государственности может стать концептуальным основанием нового курса «Основы российской государственности».

Другим механизмом укрепления национальной идентичности становится формирование адекватных ответов на вызовы, возникающие в пространстве межкультурного и межгосударственного взаимодействия. Релевантность ответов становится фактором перманентного культурно-цивилизационного самовозвышения и самоуважения, которое эксплицируется в контексте принятия запрета на иронизирование над фундаментальными духовно-нравственными и государственными ценностями. Симметричность ответов базируется и на осмыслении роли ментальных доминант понимания, абсолютизма, соборности, доброты как факторов, системообразующих русскую культуру и впоследствии российскую, на осознании их относительной изменчивости в процессе цивилизационного развития, их функционирования в качестве фильтров, задающих степень восприятия и трансформации культурно-цивилизационных феноменов в пространстве взаимодействия государств-культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
2. Кребер А. Культура. Критический анализ концепций и дефиниций. – М.: Прогресс, 1992. – 278 с.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постмодерну / пер. с фр. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427–457.
4. Кнабе Г.С. Строгость науки и безбрежность жизни // Вопросы философии. – 2001. – № 8. – С. 112–124.
5. Светлов В.А. Конфликт поколений как эволюционная проблема // Научные труды SWORLD. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 4–7. DOI: 10.21893/2410-6720-2016-44-5-005.
6. Кравченко О.А. Концептуализация модели научной коммуникации и процессах межкультурного взаимодействия (на примере БРИКС): дис. ...канд. филос. наук. – Курск, 2017. – 181 с.
7. Карасик В.Н. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
8. Архангельский А. Матрица русской культуры: Миф? Двигатель модернизации? Барьер? – М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2012. – 216 с.
9. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 1999. – 208 с.
10. Кокаревич М.Н. Доминанта культурной индивидуальности как норма сосуществования государств-культур в современную эпоху // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – Т. 45. – № 2. – С. 94–104.
11. Кокаревич М.Н. Культурная детерминированность цивилизационных феноменов // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. – Вып. 2 (18). – 2012. – С. 84–92.
12. Чаадаев П.Я. Философические письма. Апология сумасшедшего. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 254 с.
13. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
14. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1991. – 624 с.
15. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – М.: Современник, 1989. – 557 с.
16. Ницше Ф. Веселая наука. Злая мудрость. – М.: Эксмо, 2010. – 528 с.
17. Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 784 с.
18. Ильин И.А. О России. Три речи. URL: http://www.golden-ship.ru/_ld/10/1077_163.htm (дата обращения 27.02.2024).
19. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1992. – 686 с.

Информация об авторах

Кокаревич Мария Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета, Россия, 634003, г. Томск, пл. Соляная, 2; kokarevich@mail.ru

Поступила в редакцию: 05.03.2024

Поступила после рецензирования: 17.04.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. Shpengler O. *The decline of Europe*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 1993. 663 p. (In Russ.)
2. Kreber A. *Culture. Critical analysis of concepts and definitions*. Moscow, Progress Publ., 1992. 278 p. (In Russ.)
3. Kristeva Yu. Bakhtin, word, dialogue and novel. *French semiotics: from structuralism to postmodernism*. Ed. by G.K. Kosikov. Moscow, Progress Publ., 2000. pp. 427–457. (In Russ.)
4. Knabe G.S. The rigor of science and the vastness of life. *Voprosy filosofii*, 2001, no. 8, pp. 112–124. (In Russ.)
5. Svetlov V.A. Generational conflict as an evolutionary problem. *Scientific works SWORLD*, 2016, vol. 5, no. 3, pp. 4–7. (In Russ.) DOI: 10.21893/2410-6720-2016-44-5-005.
6. Kravchenko O.A. *Conceptualization of the model of scientific communication in the processes of intercultural interaction (on the example of BRICS)*. Cand. Diss. Kursk, 2017. 181 p. (In Russ.)
7. Karasik V.N. *Language matrix of culture*. Moscow, Gnozis Publ., 2013. 320 p. (In Russ.)
8. Arkhangelskiy A. *The matrix of Russian culture: a Myth? Upgrade engine? Barrier?* Moscow, Council on Foreign and Defense Policy Publ., 2012. 216 p. (In Russ.)
9. Malinovskiy B. *Scientific theory of culture*. Moscow, OGI Publ., 1999. 208 p. (In Russ.)
10. Kokarevich M.N. Dominant of cultural personality as a norm of the States-Cultures coexistence in the Modern era. *Journal of wellbeing technologists*, 2022, vol. 45, no. 2, pp. 94–104. (In Russ.) DOI: 10.18799/26584956/2022/2.
11. Kokarevich M.N. Cultural determinacy of civilizational phenomena. *Bulletin of TSU. Philosophy. Sociology. Political science*, 2012, no. 2 (18), pp. 84–92. (In Russ.)
12. Chaadaev P.Ya. *Philosophical letters. Apology of a madman*. Moscow, ACT Publ., Astrel Publ., 2011. 254 p. (In Russ.)
13. Berdyaev N.A. *Origins and meaning of Russian communism*. Moscow, Science Publ., 1990. 224 p. (In Russ.)
14. Klyuchevsky V.O. *Historical portraits. Figures of historical thought*. Moscow, Pravda Publ., 1991. 624 p. (In Russ.)
15. Dostoevsky F.M. *Writer's diary*. Moscow, Contemporary Publ., 1989. 557 p. (In Russ.)
16. Nietzsche F. *Fun science. Evil wisdom*. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 528 p. (In Russ.)
17. Khomyakov A.S. *Russia's global task*. Moscow, Institute of Russian Civilization. Blessing, 2011. 784 p. (In Russ.)
18. Ilin I.A. About Russia. Three speeches. (In Russ.) Available at: http://www.golden-ship.ru/_ld/10/1077_163.htm (accessed 27 February 2024).
19. Kartashov A.V. *Essays on the history of the Russian church*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, TERRA Publ., 1992. 686 p. (In Russ.)

Information about the authors

Maria N. Kokarevich, Dr. Sc., Professor, Head of the Philosophy and History Department, Tomsk State University of Architecture and Building, 2, Solyanaya square, Tomsk, 634003, Russian Federation; kokarevich@mail.ru

Received: 05.03.2024

Revised: 17.04.2024

Accepted: 30.06.2024